

Скрипки поют в Шифоке

1-й ИЮН
1975

КОМОДОВСКАЯ ПРАДА
Г. МОСКВА

НАВЕРНОЕ, я бы проехал мимо этого города, как проезжают обычно небольшие курортные города, ничем не приметные внешне. Он встретился мне случайно — один из многих городов на пути.

Был вечер. Холодный, промозглый вечер. Ветер с Балатона гнал на мол Шифока крупную белесую зыбь. Улицы были пустынные, и редкие прохожие спешили под кров — поближе к теплу и свету.

Нам тоже захотелось к теплу. Но прежде чем поехать в отель, Эмил — мой коллега из молодежной газеты — сказал: «Я хочу показать тебе железнодорожную станцию».

Старые станционные строения, но опрятные, чистые. Такой же старый перрон. Наверное, я бы не удивился, если бы из густеющей на глазах темноты появился вдруг маленький паровозик с высокой трубой, волокущий за собой вереницу вагончиков. Но было тихо, и пути были пустынные. Летом — дело другое. Летом, говорят, здесь яблоку негде упасть. Шифок — самый популярный курорт на южном берегу Балатона.

Эмил подвел меня к мемориальной доске с выбитой надписью и прочитал: «Отсюда путь к мировой славе начал Имре Кальман, автор бессмертных мелодий «Королева чардаша».

— Вот это я хотел тебе показать, — сказал Эмил.

«Королева чардаша»... У нас ее знают под именем «Сильвы»... И здесь, в этом городе, в конце октября 1882 года родился человек, написавший музыку к ней. Музыку, которую, кажется, невозможно не полюбить.

Один из домов у станции был собственностью отца Имре Кальмана. Когда-то он торговал зерном, потом — инфляция, он разорился, пытался вновь наладить дела свои, но безуспешно. Вот, кажется, и все, что можно сказать о том человеке. Впрочем, вполне достаточно и того, что он был отцом великого композитора.

Любил ли Кальман свой родной город? Конечно, как не любить! Хотя, вполне естественно, тянул его в столицу, до которой было чуть больше ста километров, где сияли газовые фонари у входа в театр и где была сцена. Сцена и зал. Он жил ради них.

Зато потом, после своих первых премьер, да, случилось, и позже, Кальман с компанией веселых друзей приезжал в Шифок и здесь, за длинным столом, выставленным на открытой площадке кафе под сенью древних пла-

танов, шумно отмечал свой успех.

Дом все-таки всегда остается домом. И Шифок для Имре Кальмана был им. Здесь он чувствовал себя свободно, здесь он любил собраться с мыслями, любил просто побыть один, гуляя вдоль набережной Балатона, вслушиваясь в мажорные звуки вальсов, которые наигрывал гусарский оркестр... А утром — крики чаек, кружащихся хороводом над неводом, который тянули сильные, загорелые руки, запах свежей рыбы — если подойти поближе к баркасам.

Мы с Эмилом оставили в номере вещи и спустились в ресторан при отеле. Тихая музыка. Столики, покрытые крахмальными белоснежными скатертями, были свободны. На стенах — расписные цветные тарелки. Мы сразу почувствовали себя почти как и дома.

Я оглянулся невольно, когда рядом, совсем за спиной, запела вдруг скрипка. Возле нас стоял музыкант в национальной одежде — в красных брюках, на бедрах украшенных галунами, и в белой куртке со стоячим воротником. Куртка тоже была вышита галунами. Он перестал играть и с улыбкой, чуть склонившись, вопросительно глядел на нас с Эмилом.

Эмил сказал коротко что-то. Я понял: «Все равно, что...»

Скрипач резко ударил смычком по струнам, и они, вздрогнув от внезапного прикосновения, зазвенели, запели. Он играл увертюру к «Марице». Потом — плавный спад, и вновь — взрыв, бешеный ритм, неуловимое почти мелькание смычка.

Он вел нас за собой и за Кальманом, незаметно сплетая мелодии. И я не мог угадать, когда он кончит одну вещь и когда извлечет из скрипки другую мелодию. Он наслаждался игрой и играл так, я уверен, как никогда не сыграет в другой раз. Просто потому, что всякий раз играет иначе. Знакомая музыка становилась иной — такой же знакомой, но богаче и ярче. Она вспыхивала ослепительным блеском и рассыпалась звенящими искрами.

Потом он заиграл тише, совсем тихо. Казалось, мелодия доносится откуда-то издали — из-за холмов на другом берегу Балатона...

Он долго играл нам. И все это время мы молча сидели, не в силах, не желая отвести от него своих глаз...

Л. РЕПИН.

Шифок, ВНР.